

Избежание столкновений: двусторонние отношения США и России и бывшие советские государства

Евгений Б. Румер

Основные пункты

Отношения между Соединенными Штатами и Россией вступают в деликатную стадию. Американская вовлеченность в дела региона на периферии России достигает беспрецедентных масштабов, в то время как в самой России возник консенсус о том, что страны данного региона входят в исключительно российскую сферу влияния.

Активность США в новых независимых государствах бывшего Советского Союза является естественным продолжением глобальной войны с терроризмом. Деятельность США направлена на поддержание безопасности и стабильности в регионе, все еще сталкиваемом с проблемами независимости.

Но присутствие вооруженных сил США в Центральной Азии и военная помощь бывшим советским республикам воспринимаются многими россиянами иначе: как намеренные попытки создать кольцо окружения. Такое восприятие ведет к нарастающему непониманию и нагнетает конфронтацию.

Для избежания столкновения Вашингтону и Москве следует вести диалог по вопросам их деятельности в постсоветском пространстве, и разработать основные правила, определяющие нормы для достижения собственных интересов. Подобные усилия должны быть предприняты без намерения разделить постсоветское пространство на сферы влияния. Напротив, обеим сторонам следует заблаговременно оповещать друг друга о собственных действиях и стремиться урегулировать разногласия.

Шансы на успех усилий США в бывших советских государствах были бы значительно выше при поддержке или невмешательстве со стороны России. Однако, Москва способна и сорвать эти усилия, что привело бы к негативному развитию событий, чреватых серьезным ущербом двусторонним отношениям.

2003 год был непростым для российско-американских отношений, и 2004 обещает быть не менее сложным. Разногласия между Вашингтоном и Москвой по вопросу об Ираке — лишь самый яркий пример из ряда событий, связанных — в том числе — с американской озабоченностью ситуацией в Чечне, авторитарными тенденциями во внутренней политике в России, ухудшающейся ситуацией в области свободы СМИ, выборочным преследованием независимо настроенных предпринимателей и вмешательством России во внутренние дела соседних государств. Вместе взятые, эти события отражают некую тенденцию, которая вызывает тревогу за развитие ставящей перед собой большие цели программы российско-американского стратегического партнерства, инициированной президентами Джорджем У. Бушем и Владимиром Путиным в 2002 году. При этом необходимость в сотрудничестве между двумя государствами едва ли была когда-либо столь острой, как в 2004 году и в ближайшие годы.

Необходимость в сотрудничестве диктуется двумя встречными тенденциями. Первая — беспрецедентная вовлеченность США в дела стран и регионов на периферии России, которых многие россияне привыкли рассматривать как исключительно российскую сферу влияния. Вторая — сложение мощного консенсуса среди российских политиков,

принадлежащих ко всем политическим партиям о необходимости консолидации «ближнего зарубежья» России в исключительную сферу ее влияния. И та, и другая тенденции отражают основные принципы стратегии национальной безопасности обеих стран. Если только Соединенные Штаты и Россия не предпримут решительных мер для сотрудничества, их столкновение выйдет за пределы неизбежного. Сотрудничество — это единственный разумный вариант, поскольку полномасштабное соперничество в борьбе между двумя государствами за влияние на постсоветском пространстве нанесло бы ущерб интересам обеих сторон. К тому же, что еще важнее, оно свело бы на нет те немногие, хрупкие достижения, которые имеются в этом регионе после обретения им независимости.

Соперничать или сотрудничать?

С точки зрения географии, проблематика российско-американских отношений ограничена, в основном, «ближним зарубежьем» Российской Федерации. В большинстве случаев, территория, выходящая за его пределы находится вне досягаемости Кремля. А постсоветское пространство — зона растущего военного присутствия и интересов США. Американское присутствие в этом регионе расширится — с тех пор, как

распад Советского Союза и признание США бывших советских территорий независимыми и суверенными государствами двенадцать лет назад положили начало политическому курсу, который сохраняет действие по сей день.

После распада СССР, в 1990-е годы, участие Америки было направлено на обеспечение непосредственных интересов США — в том числе на обеспечение безопасности ядерного наследия советской эпохи, и на помощь новым государствам в их стремлении укрепить свою независимость и суверенитет — посредством увязки оказания гуманитарной помощи с проведением экономических и политических реформ. После того, как бывшие советские государства преодолели первые преграды на пути к независимости, Соединенные Штаты придали своим связям с ними новое направление — сотрудничество в сфере безопасности. В первую очередь и прежде всего эта деятельность была нацелена на интеграцию новых независимых государств в трансатлантические структуры безопасности. С начала 1990-х годов диалог этих государств со странами Организации североатлантического договора (НАТО) стал почти непрерывным, так же, как и их практическое военное и военно-политическое сотрудничество в рамках программы НАТО «Партнерство ради мира».

Однако, казалось бы, последовательные и логичные американские усилия на постсоветском пространстве отмечены одним ярким внутренним противоречием — двойственностью отношений США с Россией. С одной стороны, политика США на периферии России никогда не была направлена на ее окружение или на подрыв ее безопасности. Напротив, вовлечение России в двустороннее и многостороннее сотрудничество США с ее соседями являлось одной из главных целей американских усилий.

С другой стороны, Россия так и не отказалась от своих «великодержавных» притязаний в этом регионе. Вскоре после распада Советского Союза, Москва пыталась добиться открытого признания

со стороны международного сообщества ее особого статуса в бывших советских странах. Ни одна крупная держава — ни Китай, ни Иран, ни Турция, и, разумеется, ни одна европейская страна — не предъявила претензий к стратегической независимости и суверенитету бывших советских государств в той же степени, что и Россия. Ее связи с этими странами, несомненно, глубже, чем связи Китая или Турции. В результате поддержка независимости и суверенитета новых государств со стороны США превратилась в поддержку их независимости от России. США в их отношениях со странами бывшего СССР (в том числе и с Россией) пришлось поддерживать баланс между конструктивными отношениями с Россией с одной стороны, и раз-

вовлеченность США в военно-политические дела бывших советских государств всегда угрожала вызвать антагонизм России

вивающимися американскими связями с ее соседями, стремившихся закрепить поддержку их независимости от России, — с другой.

Следствием такой ситуации стала некая неясность в отношениях США с Россией, в американской политике по отношению к бывшим советским государствам, и в неясности роли России — то ли партнера США в их усилиях обеспечить безопасность и стабильность в регионе, то ли помехи в этих усилиях. Соединенные Штаты следовали своему курсу не то, чтобы направленному против России, но уж точно без ее поддержки и одобрения.

Тем не менее, заявления России часто превосходили ее действия. Ее великодержавные устремления не отвечали ее значительно ослабленным способностям предпринимать соответствующие действия. Благодаря своим масштабам, историческим и экономическим связям и географическому положению, Россия

сохранила значительное влияние в близлежащих землях. Но у нее не было ни финансовых средств, ни военной мощи, ни политической воли и стратегической прозорливости, необходимых для того, чтобы взять на себя бремя обеспечения безопасности в бывших советских странах, многим из которых угрожала массовая бедность, низкий уровень экономического развития, и перспектива государственной несостоятельности.

В 1990-е годы Соединенные Штаты были несклонны, а Россия неспособна к полноценному исполнению миссии блюстителя безопасности в регионе, простирающемся от Юго-Восточной Европы до Центральной Азии. Перспектива повышения вовлеченности США в военно-политические дела бывших советских государств всегда угрожала вызвать антагонизм России, с ревностью следившей за действиями единственной оставшейся сверхдержавы на ее стратегическом «заднем дворе». В отсутствие категорического императива в более решительной политике безопасности на географической периферии России, Соединенные Штаты принимали в расчет эту российскую чувствительность при разработке своей политики в бывшем СССР.

Новая программа работы и новые надежды

Все это изменилось 11 сентября 2001 года. Неопределенность перестала быть вариантом для действий Соединенных Штатов, у которых возникли неоспоримые основания для значительного расширения присутствия своих сил безопасности в «мягком подбрюшье» России — от Восточной Европы до Центральной Азии. Потребности военных действий США в Афганистане повлекли за собой необходимость в постоянном доступе и присутствии в Центральной Азии. В более общем плане, потребности войны против терроризма потребовали усиления вовлеченности США в дела бывших советских государств. Многие из них были не в состоянии обеспечить собственную безопасность, которой нельзя было ни пренебречь, ни оставить на усмотрение иных сторон (в том числе и России). Это привело к бес-

Евгений Б. Румер — Старший научный сотрудник Института Национальных Стратегических Исследований при Университете Национальной Обороны. Пожалуйста, направляйте вопросы или комментарий на его внимание по адресу ndu-inss-research@ndu.edu.

прецедентному расширению усилий, возглавленных США, по оказанию помощи в сфере безопасности странам бывшего Советского Союза — от Украины до Узбекистана.

В сущности, политика США в бывших советских странах во многом не отличалась от той, что проводилась Вашингтоном и до 11 сентября: поддержка их заявленного стремления к самоутверждению в качестве суверенных, независимых государств. После 11 сентября главным препятствием к решению этих задач (и основной угрозой внутренней и международной безопасности) сделались не российские притязания, а терроризм, несостоятельность государственного руководства, и действия исламских боевиков. Отражение этих угроз стало для Соединенных Штатов намного более важной задачей, чем противостояние российскому влиянию или, наоборот, внимание к российской чувствительности. В ответ на новые вызовы, Соединенные Штаты расширили свое присутствие в бывших советских республиках не в качестве противовеса России, а независимо от России.

Война против терроризма — это продолжающийся проект, допускающий изменения и поправки. Военное присутствие США и программы по доставке помощи в области безопасности развиваются соответственно. К тому же, до сих пор не опубликованные планы США для нового, основательно обновленного глобального военного присутствия вызвали большие ожидания в бывших советских странах (в том числе и в России) нового развертывания войск США — как на Кавказе, так и на иных участках периферии России.

Вследствие событий 11 сентября 2001 года, вынужденное согласие России на развертывание ВС США в Центральной Азии, на помощь США структурам безопасности в Грузии и на расширение сотрудничества США и Украины в области безопасности несомненно, облегчило действия США по каждому из вышеупомянутых направлений. Однако, согласие президента Владимира Путина на эти действия оставило в тени тот факт, что политический истеблишмент России так так и не примирился с мыслью о долгосрочном военном присутст-

вии США и НАТО в странах и регионах, издавна считавшихся Москвой исключительной сферой влияния России.

Разница между позициями президента Путина и политической элиты России стала очевидной сразу же после нападения 11 сентября, когда практически все советники Путина выразили несогласие с идеей поддержки или одобрения военного присутствия США на постсоветском пространстве. Впоследствии, Путин, вопреки возражениям

растущее число российских политиков стремится расширить и закрепить влияние над внутренней и внешней политикой

своих советников, спокойно отреагировал на расширение программы военно-политического сотрудничества США с Грузией и лично задал конструктивный тон взаимоотношениям России и НАТО, вынужденно согласившись с приглашением балтийских государств к участию в этом военном союзе.

Старое вино в новых мехах

Тем не менее, новейшее развитие внутренней политике России вызывает серьезные сомнения в готовности Путина противостоять предсказуемым высказываниям московских экспертов, рекомендациям его советников и мнению отечественной политической элиты в целом. Эти тенденции проявили себя наиболее ярко в ходе парламентских выборов 7 декабря 2003 года.

Главным итогом выборов в Думу стала поддержка русским народом националистических реваншистских тенденций. Либерально-Демократическая партия, возглавляемая Владимиром Жириновским, вдвое увеличила свою долю голосов — до 12%. Зная эксцентрическую личность Жириновского, его успех можно, до некоторой степени, считать случайностью. Но для еще одной партии (движение «Родина»), придерживающейся серьезной реваншистской пози-

ции, результаты выборов оказались значительно лучше ожидаемых, что наводит на мысль о том, что популярность таких политических сил отражает важную политическую тенденцию.

В контексте внутренней российской политики реваншистскую идею можно резюмировать как восстановление государственного контроля над основными секторами экономики, государственного наблюдения над их деятельностью, и расширение перераспределительных функций государства. В области внешней политики реваншизм означает, в первую очередь, восстановление российского влияния в бывших советских республиках и создание исключительно российской сферы интересов на территориях бывшего СССР.

В отличие от либеральных демократов, большую роль в имидже которых играет склонность Жириновского к театральности, движение «Родина» обладает более серьезной репутацией, соощающей реваншистским тенденциям в российской политике неоспоримый оттенок респектабельности. Многих думских депутатов партии «Родина» отличает наличие высоких ученых степеней, значительного профессионального опыта работы в высших эшелонах власти. Как показывает успех «Родины» на парламентских выборах декабря 2003 года, российским избирателям — тоскующим о потерянном их страной статусе сверхдержавы и мечтающим о его восстановлении, у которых вызывают отвращение личные качества Жириновского — была, наконец, предложена приличная, респектабельная альтернатива — реваншизм «с человеческим лицом».

Неоимпериалистический консенсус

Задолго до 2008 года реваншистское направление внутренней политики России обещает создать трудности — как для политики США в бывших советских государствах, так и в двусторонних отношениях с Россией. Идея об исключительно российской сфере интересов на территории бывшего СССР пользуется поддержкой по всему политическому спектру.

Сам термин «неоимпериализм» — чреватый негативными коннотациями может вызвать недоумение у российского читателя, наблюдающего как постепенно растущее военное, экономическое и политическое влияние США продвинулось через порог России, глубоко в сердце Евразии, куда в более ста лет не смела ступить ни одна иностранная держава, кроме самой России. Это продвижение произошло на фоне столь же постепенного ухода России из регионов и стран, где в течение многих столетий российское присутствие было неотъемлемым элементом политической, экономической и военной жизни. Таким образом, у многих россиян термин «неоимпериализм», скорее всего, вызовет негодование. Многие имеют противоположенное мнение о том, какая держава на самом деле ведет себя как империалистская, и «чья бы корова мычала».

Тем не менее, факт остается фактом, что растущее число российских политиков стремится расширить и закрепить влияние над внутренней и внешней политикой многих стран, когда-то входивших в состав Российской Империи — то-есть там же, где Соединенные Штаты сегодня стремятся построить сеть политических, экономических и военных отношений. Невзирая на то, как многие воспринимают стремления России восстановить старую империю, термин «неоимпериализм» корректно определяет образ мыслей внешнеполитического истеблишмента России.

Самым впечатляющим и явным проявлением этого феномена стали высказывания Анатолия Чубайса, известного русского реформатора и одного из лидеров «Союза правых сил». Чубайс недавно привел доводы в пользу (вос)создания российской империи на постсоветском пространстве. Во время предвыборной кампании в 2003 году он определил миссию России в XXI веке как создание либеральной империи на территориях бывшего Советского Союза. По его мнению, такое направление станет ответом на кризисы прозрачности и идеологии, которые Россия до сих пор не сумела преодолеть. По мысли Чубайса, «либеральная империя» могла бы мобилизовать народ России и объединить нацию.

Чубайсовский вариант «либеральной империи» имеет в виду распространение демократических идеалов в сопредельных государствах и внушение их гражданам либеральных ценностей — и в том числе уважения к демократическим процессам и институтам. Заодно, либеральный империализм Чубайса также нацелен на содействие российскому бизнесу, защиту его интересов, распространение русской культуры и защиты прав русскоязычного населения в соседних странах. Знаменательно, что либеральная разновидность империализма, озвученная лидером российских либералов, в сущности, ничем не отличается от более откровенного, мускулистого и нелиберального бренда неоимпериализма, которому привержены националистические политики, из думского крыла «Родины».

Столь мощно выраженное кредо «Родины» ставит Путина в затруднительное положение. Президент явно отметил привлекательность «Родины» для избирателей, и понял, что сопротивляться реваншистам и оспаривать их позиции невыгодно с политической точки зрения. В то же время игнорирование реваншистской идеи также чревато политическим риском, и Кремль не может позволить «Родине» монополизировать и использовать столь важную и политически выигрышную тему. Однако, переход на позиции «Родины» или их апроприация могли бы сделать Путина уязвимым для критики со стороны международного сообщества и запятнать его репутацию как мирового лидера.

Сталкивающиеся курсы

Возрождение неоимпериализма в российской политике возникло во время ключевого момента в отношениях США со соседями Москвы. Три балтийских государства, которые не так давно находились под оккупацией России, будут участвовать в качестве полноправных членов союза на Стамбульском Саммите НАТО в июне 2004 года. Нет сомнения в том, что на встрече в Стамбуле союзники вновь подтвердят свою поддержку стремлению Украины к полноправному членству в организации и повторно заявят о натовской политике «открытых

дверей». Весьма вероятно, что союзники воспользуются случаем, чтобы обратить внимание и на аналогичные устремления Грузии и Азербайджана. В контексте планов пересмотра глобальной передислокации американских вооруженных сил вполне возможно, что зона присутствия ВС США придвинется ближе к западным рубежам России. И, в заключение, существенное сокращение военного развертывания США в регионе и помощи в области безопасности, оказываемой странам Центральной Азии и Южного Кавказа в ближайшем будущем весьма маловероятно.

На самом деле, после стамбульского саммита военная и военно-политическая деятельность Америки и НАТО в бывшем Советском Союзе, скорее всего, будет активизирована. Это — следствие действия нескольких факторов:

- желания соседей России интегрироваться в евроатлантические структуры безопасности;
- неспособности России и иных региональных держав заполнить вакуум безопасности в бывших советских государствах;
- заинтересованности США в присоединении бывших советских республик к евроатлантическим структурам безопасности, для поддержания их независимости и суверенитета и для противодействия различным угрозам, возникшим как до, так и после 11 сентября, в том числе: терроризму, контрабанде и распространению оружия массового поражения, а также транснациональной преступности.

Каждый из этих факторов — результат долгосрочных тенденций. Бывшие колонии России стремятся найти место под покровительством США или НАТО с тех самых пор, как развалился СССР. Их желание диктуется необходимостью защиты от склонности Москвы к утверждению своих прав за чужой счет, необходимостью заполнения вакуума безопасности в регионе после вывода российских силовых структур и необходимостью в закреплении за собой достойного места в международном сообществе. Изменение ими этого курса в обозримом будущем маловероятно.

При всем при том, в течение более, чем десяти лет Россия оказалась не способна вернуть себе роль регионального регулировщика безопасности. Способность России к поддержанию стабильности и безопасности в регионе (не говоря уже об осуществлении ее собственных неоимпериалистических притязаний) ограничена недостатком средств, неспособностью к перспективной оценке соотношения сил и военной мощи, и невозможностью поддержания устойчивой боеготовности. Несмотря на некоторое восстановление внутренней стабильности после нелегких последних лет, вооруженные силы России все еще испытывают значительные трудности, а экономика страны не дает доходов, необходимых для решения самых насущных социальных проблем. Маловероятно, что эта ситуация изменится в ближайшем будущем.

В этой ситуации маловероятно и то, что изменится и американская политика расширения евроатлантической системы безопасности на постсоветском пространстве. Поддержка независимости и суверенитета бывших советских государств является основным элементом американской идеи для будущего Европы и Евразии после холодной войны. А война против терроризма — «краеугольный камень» политики национальной безопасности США. Нет даже малейшей вероятности того, чтобы то или иное направление в политике изменилось в обозримом будущем. Расширение евроатлантических структур безопасности на постсоветском пространстве диктуется как обязательствами США перед новыми независимыми государствами, так и требованиями глобальной войны против терроризма.

Таким образом, направления политики США и России находятся на встречном курсе. Это не грозит крушением двусторонних отношений, но, тем не менее, требует переоценки и пересмотра.

(Несостоявшееся) партнерство

Начиная с 1991 года несколько президентских администраций США с энтузиазмом воспринимали идею российско-

американского сотрудничества по обеспечению стабильности и безопасности в постсоветском пространстве. Однако уровень успеха этого сотрудничества был весьма низок. После террористических нападений 11 сентября надежды на более продуктивное двустороннее сотрудничество получили новый импульс благодаря нескольким положительным подвижкам — в том числе: согласием Путина с развертыванием ВС США в Центральной Азии и помощью США Грузии в области безопасности, сотруд-

Россия обладает значительным влиянием вдоль своих окраин — в силу ряда исторических, географических, культурных и политических причин

ничеством России с Соединенными Штатами в рамках противотеррористической коалиции, возобновлением сотрудничества между Россией и НАТО, и молчаливым согласием России с заявленным желанием Украины о вступлении в НАТО. С американской точки зрения сотрудничество с Россией в рамках войны против терроризма открывало возможности для совместных усилий для восстановления стабильности и безопасности в обширном регионе на периферии России и для искоренения и уничтожения там терроризма.

Надежды на перспективы столь плодотворных отношений не сбылись. Сотрудничество России и США, вероятно, продолжится в рамках глобальной войны против терроризма — в том числе и в бывших советских республиках; тем не менее, американское и российское видение будущего этого региона во многом отличается друг от друга. В США преобладает мнение, что интересы, безопасность и стабильность этих стран были бы лучше всего обеспечены достижением ими полной независимости и суверенитета, а также их интеграцией в евроатлантические структуры безопасности. А преобладающее мнение в Рос-

сии — что Москва имеет некий *droit de regard*, неотъемлемое право надзора над делами своих бывших колоний, что, соответственно, обеспечивает Москве исключительную сферу влияния на постсоветском пространстве. Такая позиция явно противоречит преобладающему американскому мнению — не только потому, что она идет вразрез с американскими обязательствами перед бывшими советскими республиками, но и потому, что наличие у России средств, ресурсов и прозорливости, необходимых для охвата такой сферы влияния, представляется неадекватным.

Таким образом, задача, стоящая перед Соединенными Штатами и Россией — не формирование широкого партнерства в бывших советских государствах, а сокращение и урегулирование противоречий. К тому же нельзя допустить ситуацию, при которой противоречия могли бы подорвать усилия в тех областях, где сотрудничество необходимо и идет полным ходом.

Новые правила движения

Ситуация не требует ни образования нового партнерства, ни призывов к реанимации старого, а, напротив, усилий, направленных на понимание интересов и приоритетов друг друга и разработки правил игры, которые предотвратили бы столкновение политических курсов США и России на постсоветском пространстве.

Единое понимание правил игры необходимо, потому, что альтернатива ему — обострение напряженности между Соединенными Штатами и Россией, чреватое столкновением интересов обеих стран в бывших советских государствах. Такой исход — не в интересах ни одной из сторон. Россия, не смотря на недостаток средств и возможностей, обладает значительным влиянием вдоль своих окраин — в силу ряда исторических, географических, культурных и политических причин. Она контролирует ключевые транспортные артерии на пути в Центральную Азию, отрезанную от морских путей. Россия — экспортный рынок для экономик Центральной Азии, Южного Кавказа и Украины, место миграции миллионов гастарбайтеров из этих

стран и источник денежных переводов для их семей. Вооруженные силы России, пусть еще и не оправившиеся от шока хозяйственных и политических реформ 1990-х гг. и социальных, экономических и географических смещений той эпохи, все же остались самой могучей силой в регионе и сохранили значительное присутствие на территории бывшего СССР. Все это дает России возможности создавать большие неприятности ее бывшим колониям. И хотя Россия не имеет возможности обеспечить безопасность и стабильность в странах бывшего СССР, поддержка ею, или по крайней мере допущение усилий со стороны других по обеспечению безопасности — необходимая предпосылка успеха столь сложного предприятия.

В то же время, Россия едва ли в состоянии углублять конфронтацию с США в связи с их активностью на постсоветском пространстве. Несмотря на широко распространенное раздражение американским присутствием в Центральной Азии, помощью Грузии, деятельностью на Украине, и критикой российской политики в Грузии, Молдове и на Украине, в России едва ли кто-либо готов выступить за открытую конфронтацию с Соединенными Штатами по любому из этих вопросов. Хотя присутствие и политика США в бывших советских республиках вызывает гнев многих политических деятелей в России, аналитики внешней политики и национальной безопасности России понимают, что Соединенные Штаты помогают заполнить вакуум в нестабильном регионе, — с чем сама Россия в течение более десятилетия не смогла справиться самостоятельно. Если бы Соединенные Штаты сократили свое присутствие и активность на периферии России, пострадала бы российская безопасность.

Для президента Путина нежелательно явное обострение напряженности в отношениях с США из-за Грузии, Молдовы, или любого иного постсоветского государства. Он во многом поставил на карту свою репутацию в вопросе о российско-американском партнерстве и положительных личных отношениях с президентом Бушем. Он это сделал вопреки рекомендациям многих членов

российского внешнеполитического истеблишмента. Серьезный регресс двусторонних отношений скорее всего был

Соединенным Штатам придется осознать факт, что у России есть законные основания для озабоченности и интересы на ее географической периферии

бы воспринят в России как личное поражение президента Путина.

Более того, возвращение к напряженной обстановке между США и Россией подлило бы масла в огонь, разжигаемый возрождающимся реваншистским крылом российской политики. Кремль поддержал движение «Родина» во время парламентских выборов 2003 года как противовес коммунистам. Но подъем этого движения в качестве независимой политической силы представляет непростую проблему для Москвы: что делать со своей непослушной креатурой. Покамест Кремль относится к «Родине» крайне осторожно, сосредоточив полномочия для принятия решений в руках послушной про-кремлевской партии «Единая Россия».

Предстоящая президентская избирательная кампания и выборы, назначенные на март, дадут президенту Путину возможность для продвижения своей умеренной позиции и изоляции реваншистов. Надо надеяться, что президент России и его политические советники не позволят сделать себя заложниками президентских амбиций лидеров движения «Родина».

Скорее всего, диалог и консультации представляют единственный реальный курс для США и России по мере их перехода к новым, беспрецедентным отношениям, сосредоточенным на территории бывшего СССР. Этот диалог и, в идеале, единое понимание «правил движения» не должно и не следует понимать, как попытку России и Соединенных Штатов разделить постсоветское пространство на сферы влияния. Такой диалог скорее — форум для консульта-

ций о предметах озабоченности, об интересах и деятельности сторон.

В ходе диалога с Россией, Соединенные Штаты могут позволить себе быть откровенными и искренними в вопросах, касающихся как их интересов, так и основополагающих принципов и политических позиций. Отсутствие откровенного подхода к диалогу привело бы только к непониманию и недоразумениям (которых и так немало) и осложнило бы этот — крайне деликатный — процесс.

Избегание красных линий

Основные долгосрочные принципы деятельности США в бывших советских государствах можно резюмировать в следующем порядке:

- основными целями являются стабильность, безопасность, и непрерывность прогресса в направлении полной независимости, суверенитета и интеграции стран в международное сообщество;
- сотрудничество с третьими сторонами в достижении вышеупомянутых целей желательно, но оно не должно представлять угрозы независимости и суверенитету;
- никакое государство не имеет право надзора над делами своих соседей.

В то же время, Соединенным Штатам придется осознать факт, что у России есть законные основания для озабоченности и интересы на ее географической периферии. Судьба русских меньшинств и диаспор, рассредоточенных по территории бывшего СССР — самый явный из этих интересов. Однако, как показывает опыт Грузии, Украины и Казахстана, стремление российских деловых кругов расширить сферу своей деятельности в соседних странах продолжает расти. Деловая активность российских компаний вызывает тревогу о стратегическом проникновении на рынки соседних государств — особенно в тех случаях, когда коммерческие сделки были заключены в закрытом порядке и относились к ключевым проектам индустрии или инфраструктуры. Хотя беспокойство в этих случаях и не лишено оснований, основная ответственность за

подобные деловые операции лежат на самих принимающих странах. В отсутствие доказательств того, что Россия применяет в принимающем государстве избыточное давление, критика, направленная в ее сторону, неверно адресована — особенно в отсутствие более выгодных предложений от американских или других компаний.

Кроме того, Соединенным Штатам придется признать, что у России имеются обоснованные интересы в безопасности окружающих государств. Например, вопрос о безопасности и стабильности Грузии весьма тревожит Россию. Как часто бывает, российские и американские идеи о том, как добиться безопасности, расходятся. Диалог и консультации — единственный способ избавиться от разногласий в американском и российском видении проблемы.

России придется принять американский интерес и обязательства по отношению к грузинской независимости и, в конечном счете, к территориальной цельности и суверенитету Грузии. Соединенным Штатам следует проявить творческий подход к решению деликатной проблемы продолжающегося присутствия ВС России в Грузии. Давление со стороны США и международного сообщества, направленное на вывод войск встречает сильное сопротивление в России, не говоря уже о том что такой шаг был бы крайне непопулярным в России.

Изобретательность, настойчивость и обращение к различным дипломатическим средствам, имеющимся в распоряжении США — будут необходимы для решения Соединенными Штатами и Россией таких сложных вопросов, как

военное присутствие России в Грузии и Молдове, где давление и конфронтация могут только обострить ситуацию. Задача (повторных) переговоров о выводе российских войск из Грузии и Молдовы может потребовать тщательного исследования опыта переговоров и исполнения решений о выводе ВС России из балтийских государств. Хотя балтийский опыт неприятен для россиян из-за опасений, что Грузия и другие страны пойдут в НАТО по следам балтийских стран, из этого опыта можно извлечь некоторые важные уроки.

Один из возможных вариантов — предоставление России финансовой помощи для передислокации военнослужащих из Грузии на базы внутри России. Другой путь — интернационализация военного присутствия и баз России в Грузии и Молдове в рамках натовской программы «Партнерство ради мира» (ПРМ). Смена флагов над российскими базами, превращенными в центры военной подготовки ПРМ узаконила бы военное присутствие России за рубежом в глазах международного сообщества. США и иные союзники получили бы доступ к российским сооружениям, а над присутствием и деятельностью ВС России в Грузии и Молдове был бы установлен хоть какой-то международный контроль. Тем самым Тбилиси и Кишинев получили бы гарантии того, что военное присутствие России на их территории не будет служить инструментом оккупации или подрывной деятельности. В заключение, подобная схема могла бы привести к подлинному многостороннему сотрудничеству в решении критических проблем безопасности — к сотруд-

ничеству, рожденному необходимостью.

В долгосрочном плане «зонтик» оборонных мер НАТО, ПРМ и Совет НАТО–Россия могли бы способствовать полезному и конструктивному диалогу о новых проблемах, которые могли бы возникнуть в будущем, в ходе осуществления Россией и США своих интересов и их действий в бывших советских государствах. Такая возможность подчеркивает непреходящую ценность Совета НАТО–Россия и ПРМ — особенно в том случае, если отношения США и Россия утратят дух сотрудничества, обретенный после 11 сентября.

Линия действия, намеченная здесь, не основана ни на каких иллюзиях в отношении российско-американского партнерства. Напротив, она основана на оценке интересов США и России, средств на их осуществление, находящихся в распоряжении каждой из сторон, и сфер, где эти интересы совпадают. Соединенные Штаты и Россия не могут себе позволить находиться на встречном курсе, поскольку столкновение — недопустимо. Решение может быть только одно: терпение, консультации и ясность заявленных интересов, мотивов и политического курса; четкость демаркации «красных линий»; и компромисс — в тех случаях, когда это не идет вразрез с коренными интересами.

The Institute for National Strategic Studies publishes books, monographs, and reports on national security strategy, defense policy, and national military strategy.

For information on NDU Press visit the Web site at: <http://www.ndu.edu/inss/press/ndup2.html>. INSS also produces *Joint Force Quarterly* for the Chairman of the Joint Chiefs of Staff; the journal can be accessed at: http://www.dtic.mil/doctrine/jel/jfq_pubs/index.htm.

INSTITUTE FOR NATIONAL STRATEGIC STUDIES

Stephen J. Flanagan
Director

James A. Schear
Director of Research

The Strategic Forum series presents original research by members of the National Defense University as well as other scholars and specialists in national security affairs from this country and abroad. The opinions, conclusions, and recommendations expressed or implied within are those of the contributors and do not necessarily reflect the views of the Department of Defense or any other agency of the Federal Government.

PUBLICATION DIRECTORATE

Robert A. Silano
Director of Publications